

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Сморчков Андрей Михайлович

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ И САКРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В
РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СТРУКТУРЫ И МЕХАНИЗМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Специальность 07.00.03 – всеобщая история
(древний мир)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва 2013

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира Института восточных культур и античности ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»

Официальные оппоненты:

Дементьева Вера Викторовна,
доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

Михайловский Федор Александрович,
доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»

Суриков Игорь Евгеньевич,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник центра античной истории ФГБУН «Институт всеобщей истории Российской академии наук»

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Защита состоится «16» октября 2013 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 501.002.12 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва, Ломоносовский просп., д. 27, Шуваловский корпус, исторический факультет МГУ, ауд. A-416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27).

Автореферат разослан « » июня 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Т.В. Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Религия, право и государственная организация – те области, в которых, пожалуй, наиболее полно отразилось своеобразие древнего Рима. Политические достижения римлян ассоциируются, в первую очередь, с созданной ими средиземноморской Империей. Однако в своих основных очертаниях эта держава явилась результатом развития республиканского Рима. Римская Республика на протяжении столетий доказывала свою эффективность, отвечая на вызовы и проблемы, порождаемые постоянным ростом государства и изменяющейся внутренней и внешней ситуацией. Римляне были первопроходцами в создании крупного государственного образования с республиканским политическим устройством, весьма слабую аналогию которому в Греции может дать лишь Афинский морской союз. А ведь республика и в Греции, и в Риме появилась в рамках относительно небольших сообществ с простыми управленческими задачами. Но именно римский политический гений обеспечил весьма удачное приспособление органов власти, возникших для управления маленькой общиной, к нуждам и потребностям большой и неоднородной державы. Этот опыт республиканизма очень важен и не должен оказаться в тени имперского блеска позднего Рима. Устойчивость и эффективность республиканской политической системы позволяет говорить об актуальности ее изучения и в современную эпоху – эпоху политических катаклизмов и бурных изменений. Политическая власть играет важнейшую роль в поддержании целостности цивилизации, самого ее существования, оказывает огромное влияние на жизнь общества и отдельных людей, что обуславливает непреходящую значимость ее исследования, в т.ч. и для познания перспектив развития современной цивилизации. Изучение же сакральных сторон позволяет глубже понять механизм стабильного функционирования римской Республики. Принципы, выразившие специфику и своеобразие республиканского религиозно-политического устройства, во многом обуславливались характером римской гражданской общины (*civitas*), являвшейся вариантом более широкого понятия «полис». Изучение этого уникального социально-политического феномена античности имеет ключевое значение для понимания ее сути, что также определяет актуальность данного исследования.

Объектом исследования является религиозно-политическая система республиканского Рима.

Предмет исследования – взаимодействие религиозных и политических элементов в системе управления римской Республики. Республиканская религиозная и политическая организация оформлялась постепенно в ходе длительной эволюции, прерывавшейся революционными скачками в отдельные моменты римской истории. Эти изменения также являются предметом данного исследования, но основное внимание все же сосредоточено на выяснении принципов функционирования системы, т.е. ее постоянных, устойчивых элементов, характерных для всей республиканской истории и определявших специфику изучаемой системы.

Цель работы – комплексный анализ религиозно-политической системы республиканского Рима, т.е. той области, где пересекались полномочия политических и религиозных институтов.

Исследовательские задачи. Сосуществование и взаимодействие сакральной и политической сфер в общественной жизни древнего Рима представляло собой сложную систему, находившуюся в постоянном развитии. Для достижения обозначенной основной цели работы анализируются четыре блока взаимосвязанных проблем, которые рассматриваются в соответствующих главах. Феноменом, объединявшим обе эти сферы общественного бытия и в то же время отражавшим его религиозно-политическую двойственность, было право на общественные ауспиции, т.е. право вопрошать богов, анализу которого посвящена первая глава. Следующей задачей, тесно связанной с первой, стало изучение религиозных полномочий высших магистратов римской Республики, сакральных сторон власти и статуса отдельных магистратур (консулат/претура, диктатура, цензура). Исследованию республиканской магистратуры предпосылается анализ сакральных сторон и содержания царской власти, на базе которой выросла исполнительная власть Республики. Сочетание в царской власти магистратских и жреческих функций ставит вопрос о характере, масштабах и формах политического влияния жречества при Республике, самого наличия у него политических полномочий. Изучение этих вопросов составляет третий блок задач данного исследования. Областью, где непосредственно пересекались магистраты и жрецы, было храмовое строительство. Здесь, а также в функциях и статусе храмов наиболее наглядно выявляется соотношение полномочий политических и религиозных институтов в древнеримской республиканской организации.

Таким образом, основными научными проблемами, помимо частных, решаемых по ходу исследования, являются следующие:

Определить источник магистратского права на общественные ауспиции, проанализировав куриатный закон об империи, процедуру избрания магистратов, а также традицию о борьбе плебейской верхушки за доступ к магистратурам.

Выяснить сакрально-политическое значение электоральных комиций и религиозное содержание ежегодной смены магистратов, исследовав сакрально-правовой статус консулов-суффектов.

Рассмотреть значение права на ауспиции в патрицианско-плебейском противостоянии и в политической системе республиканского Рима.

Провести сравнительный анализ царской и магистратской власти.

Определить характер магистратской власти через анализ религиозных полномочий высших магистратур.

Проанализировать основные черты жреческого статуса и жреческой организации в царский и республиканский периоды.

Изучить формы, направления и основания политического влияния важнейших жреческих коллегий (авгуров, понтификов, жрецов священнодействий).

Выявить сакрально-политическое содержание каждого этапа (*votum, locatio, dedicatio*) учреждения общественного храма.

Исследовать положение и статус храмов в римской Республике, роль храмового персонала, жрецов и сената в управлении храмами и их имуществом.

Хронологические рамки обусловлены задачами исследования и особенностями источниковой базы. Поскольку исследование посвящено периоду становления и расцвета римской гражданской общины (*civitas*) и, соответственно, ее политической организации, то основное внимание уделено эпохе Республике в период с V по середину II вв. до н.э. (до начала гражданских войн). Отдельные элементы *civitas* имелись в царский период, что обусловило необходимость обращения и к этому этапу в поисках истоков и предшественников республиканских институтов. Сказанное не исключает использования сведений, относящихся и к более поздним периодам как в силу специфики источниковой базы, так и в силу консервативности религиозной и политической сфер.

Методологические принципы исследования включают различные формы историко-критического и сравнительно-исторического методов. Комплексный анализ религиозной и политических сфер римской гражданской общины предполагает обязательное применение системного подхода к изучению различных элементов в рамках единой структуры.

Использовались также историко-типологический и историко-генетический методы, приемы филолого-лингвистической критики нарративных источников, терминологический и контекстуальный анализ. Обязательно учитывались особенности менталитета и восприятия исторического прошлого у античных авторов, т.е. применялся культурно-антропологический подход, который имеет особую значимость и актуальность ввиду значительного разрыва между изучаемой действительностью и ее фиксацией в литературных и исторических текстах. Ведь историю раннего Рима мы познаем через призму восприятия ее анналистами и антикварами, на которых влияла и современная им политическая и культурная обстановка, и собственные представления о древности – какой она «должна» быть, что, впрочем, ничем не отличается и от современного восприятия прошлого. Весьма важно установить, каково отношение античного автора даже к явно недостоверному событию, т.е. вызывает ли оно удивление и, соответственно, поясняющий комментарий, или нет. В последнем случае это может свидетельствовать о восприятии данного события как нормального, укладывающегося в рамки существующей системы или представлений о древности. Даже самые недостоверные факты, приводимые античными авторами, являются, тем не менее, фактами сознания передавшего их историка и уже в силу этого заслуживают внимания и анализа. Особое значение для теоретической и методологической базы данного исследования имеет анализ важнейшего социально-политического феномена античности – гражданской общины (полиса). Полис не идентичен государству, но как структура, тесно с ним связанная, определяет форму и особенности последнего. В полисном государстве правящая верхушка вынуждена была поделиться (конечно, в разном объеме) политическими полномочиями с основной массой свободного населения, которое при иных путях становления государства превращается в подчиненный и эксплуатируемый слой. Это объединение правящей верхушки и рядового гражданства, которое, в свою очередь, составляет лишь часть населения на территории полиса, базируется на общинных началах, наиболее естественных и привычных для той стадии развития. Таким образом, родовой категорией для понятия «полис» является «форма организации господствующего слоя», а видовыми различиями – общинный характер и союз общественной верхушки с основной массой населения данного государства: «полис – политически господствующая община полноправных жителей античного государства, объединяющая верхушку общества и часть рядового населения»

Научная новизна исследования состоит в комплексном подходе к анализу религиозно-политической организации республиканского Рима. Тем самым вносится существенный вклад в изучение важнейшего социально-политического феномена античности – полиса и его римского варианта (*civitas*). Исследования религиозной и политической системы республиканского Рима в ее целостности немногочисленны, к тому же в силу масштабности и разнообразия проблематики они отличаются теми или иными сущностными особенностями исследовательского поиска. Поставленная в данной работе задача изучения религиозно-политической сферы республиканского Рима вполне самостоятельна и оригинальна по комплексу взаимосвязанных проблем, решаемых в ней, которые позволяют в полной мере оценить значение религии для функционирования политической системы римской гражданской общины. Что касается конкретных выводов, то новым является углубленная разработка и доказательство тезиса об электоральных комициях как источнике магистратского права на общественные ауспиции, что позволяет иначе оценить характер требования плебейской верхушки на допуск к *ius honorum*, да и в целом характер патрицианско-плебейского противостояния. В частности, сделан вывод о принципиальной возможности осуществления общественных ауспиций плебеями как следствие формирования единой гражданской общины, объединяющей оба сословия. Особо следует отметить анализ ауспикальной процедуры *renuntiatio* на электоральных комициях. Обоснование вывода об отсутствии «сакральной» («божественной») инвеституры подчеркивает специфику взаимоотношений между сакральной и политической сферами, характерную для гражданской общины. Новые идеи в понимании сути магистратской власти вносит изучение ее сакрального содержания по сравнению с царской властью. Тезис об утере республиканской магистратурой сакрального характера подтверждается при исследовании религиозных полномочий высших магистратов. В частности, оригинальными являются выводы, сделанные при анализе диктаторов с религиозной компетенцией и при анализе сакрально-политического ритуала *lustrum* и роли в нем каждого из цензоров. Выявлены общие тенденции, определявшие статус жречества в царский и раннереспубликанский периоды, определено влияние победы патрицианской аристократии на положение общеримского жречества. Оригинальным является тезис об ограничениях, наложенных на жречество при установлении Республики. Ряд важных выводов сделан при анализе частных проблем, связанных с изучением ведущих жреческих коллегий

авгуров и понтификов, а также жрецов священнодействий. Анализ отдельных этапов основания общественного храма позволил рассмотреть особенности взаимодействия в этом процессе политической власти и религиозных институтов, сената и отдельных магистратов, в частности, при анализе процедуры *locatio* выявлены функции авгуров, понтификов и магистратов. Оригинальным является вывод о возможности участия частных лиц в республиканском храмовом строительстве. Представляет интерес комплексный анализ статуса храмового имущества и государственных мер по его защите.

Источниковая база исследования. В силу специфики изучаемых вопросов, относящихся к религиозно-политической области, в предлагаемом исследовании преобладают нарративные источники. Основную их массу касательно ранней римской истории можно отнести к двум периодам, отмеченным всплеском интереса к этим вопросам: переход от Республики к Империи (I в. до н. э. – I в. н.э.) и Поздняя Империя (IV-V вв. н.э.). В первом случае, в эпоху краха республиканских устоев, вполне понятен интерес к историческому прошлому, нравам предков, создавших римское государство. Кризис прежней системы управления и попытки выхода из него обусловили обостренное внимание к легитимности тех или иных действий, их соответствию традиционной практике. Появляются сочинения об ауспациях и других подобных вопросах, важных для легитимации власти. Другой всплеск интереса к римской религии и к республиканскому прошлому связан с борьбой христианства и язычества.

Для рассмотрения проблем религиозно-политического характера наиболее информативны исторические сочинения римлянина Тита Ливия «История Рима от основания Города» и грека Дионисия Галикарнасского «Римские древности», творивших на рубеже новой эры. Общие сюжеты и содержание сочинений Ливия и Дионисия дают интересное поле для сравнения собственно римского и постороннего взглядов, тем более, что оба автора являлись современниками и относились к одной социальной и культурной общности. Важную параллель им обоим составляет еще один греческий автор – Плутарх (около 46-119 гг. н.э.). В составленных им биографиях выдающихся римлян содержится ценный материал по истории царского и республиканского Рима. Его, как и Дионисия, отличает интерес к римским сакральным и политическим учреждениям, стремление объяснить их для греческого читателя, в том числе с помощью аналогий. Эта тенденция воплотилась также в его сочинении «Римских вопросах» из цикла «Моралии».

Исследование религиозных и политических учреждений царского и республиканского Рима невозможно без трудов известного ученого и политика М. Туллия Цицерона (106-43 гг. до н.э.), глубокого знатока государственных и правовых вопросов. Важно то, что он дает теоретическое осмысление проблем, которое отражает восприятие римских древностей в его эпоху. Сакрально-политическими вопросами Цицерон интересовался и в русле общей архаизирующей тенденции I в. до н. э., и как жрец-авгур, и как политик, и в виду многочисленных в этот период попыток использования религии в политических интересах. Сведения Цицерона, теоретика и практика государственного управления, характеризуются точностью и глубиной, представляя собой важный материал для сравнения с данными Ливия и Дионисия, не отличавшихся познаниями в сфере государственных дел.

Уникальный материал по религиозной истории предоставляют ученые-«антиквары» конца Республики, собиратели сведений о старинных обычаях и учреждениях, зачастую уже исчезнувших к их времени. Самым известным и талантливым представителем этого направления был старший современник Цицерона М. Теренций Варрон, ученый энциклопедической эрудиции. Многие его сведения уникальны по своей значимости для анализа религиозно-политической организации республиканского Рима и служат краеугольным камнем современных концепций. Несколько позже жил другой яркий представитель антикварного направления римской историографии – грамматик М. Веррий Флакк. Объем и обилие цитируемых авторов свидетельствуют о незаурядной эрудиции Веррия Флакка, что обеспечило его популярность у последующих писателей поздней античности и раннего средневековья, занимавшихся грамматическими и антикварными изысканиями. Консервативность религиозной сферы, проявляющаяся в первую очередь в языке ритуальных формул и в терминах, обусловила частое обращение Варрона и Веррия Флакка к словам из религиозного лексикона, особенно из авгурского, в том числе касательно ауспиций.

Использовались также произведения поэтов, прежде всего, «Фасты» Овидия и «Энеида» Вергилия. Весьма важную информацию дают комментарии к последней, написанные Макробием и Сервием на рубеже IV и V вв. Особенно много внимания вопросам культа и религиозного толкования текста Вергилия уделено в т.н. схолиях Даниэля (*scholia Danielis*), названных так по имени их первооткрывателя и издателя. Неизвестный автор этих схолий, использовавший и дополнивший труд Сервия, по своей эрудиции превосходит последнего. У него имеется

информация практически по всем рассматриваемым в данной работе вопросам, относящимся к религиозно-политической организации республиканского Рима, но особенно важны его сведения для изучения ауспиций.

Компендиум хрестоматийных знаний о римской древности представляет собой сочинение Валерия Максима «Девять книг достопамятных слов и деяний», созданное между 28 и 32 гг. н.э. Глубоким интересом к архаике и, что особенно важно, к государственному и сакральному праву отличается труд Авла Геллия «Аттические ночи» (II в. н.э.), представляющий собой собрание небольших рассказов разнообразного содержания (*miscellanea*)¹. Точные цитаты из различных произведений, в основном, республиканских авторов, чьи имена Авл Геллий, вопреки античному обычаю, часто приводит, и даже из официальных документов, например, сенатусконсультов², составляют важную черту «Аттических ночей», придавая особую ценность этому источнику.

Названными авторами не ограничивается круг использованных источников. Различные сведения в русле традиции или предлагающие оригинальные ее варианты имеются у историков эпохи ранней (Веллей Патеркул, Луций Анней Флор) и поздней Империи (Секст Аврелий Виктор, Евтропий, Орозий). Ценный материал дают сочинения римских юристов, особенно специальные работы, посвященные сакральному (прежде всего, авгуральному и понтификальному) и публичному праву, в том числе ауспициям, отдельным магистратурам, комициям и т.д. В целом, поскольку вся частная и общественная жизнь в Риме была пронизана религией, то в любом, даже узкоспециализированном, сочинении можно найти интересные сведения как о чисто религиозных, так и о религиозно-политических вопросах.

Важную информацию содержат эпиграфические памятники, прежде всего, религиозные календари с указанием древнейших празднеств и обрядов. Представляют интерес сохранившиеся уставы храмов и других священных мест, дедикационные надписи, описания религиозных учреждений в римских колониях, упоминания в эпиграфических памятниках магистратов и жрецов и т.д. В силу специфики исследуемой темы и периода археологические и нумизматические источники используются в данной работе крайне редко и скорее в качестве иллюстрации.

¹ Маяк И. Л. Римские древности по Авлу Геллию: история, право. М., 2012.

² Подробный анализ решений сената в тексте Авла Геллия см.: там же. С. 183-200.

Степень изученности темы и проблематики исследования.

Изучение проблем, находящихся на пересечении политической и религиозной областей общественной жизни, обусловило необходимость учета разноплановых исследований, посвященных религии и политической системе древнего Рима, конкретным событиям царского и республиканского периодов, отдельным магистратурам, жреческим коллегиям, храмовому строительству, многим частным проблемам политической и религиозной истории. Исследования республиканской политической организации и религиозной системы долгое время развивались параллельно, оказывая явно недостаточное влияние друг на друга. Конечно, в каждом из названных направлений обязательно учитывалось и другое – сложно говорить о политической власти, не отметив значение религиозного компонента властных полномочий, и, наоборот, в работах по римской религии в той или иной степени указывалась ее политическая роль. Тем не менее, другая сторона единой религиозно-политической системы выступала в таких исследованиях в качестве вторичной, что было объективно обусловлено поставленными исследовательскими задачами. Работ, где религиозно-политическая проблематика рассматривается в комплексе, относительно немного и появляться они стали довольно поздно, по мере осознания специфики римской общественной религии и ее политической роли.

Различие наблюдается и в историографических исследованиях по названным направлениям. Изучение политической истории постоянно подвергалось осмыслению и переосмыслению последующими поколениями историков³. Движение научной мысли здесь весьма заметно, что объясняется тесной связью между исследованиями политических институтов в прошлом и анализом современной политической ситуации и ее изменений. Что касается римского религиоведения, то представляется вполне справедливым замечание Р. Филиппса, одного из авторов «Справочника по римской религии», об отсутствии современной всеобъемлющей истории ее изучения, хотя некоторые обзоры имели место⁴. Это заметно и в исследованиях, посвященных отдельным областям религиозной сферы. Но, по крайней мере, здесь осознается необходимость создания такого обзора истории римского религиоведения. С анализом же историографии, посвященной комплексному изучению религиозно-

³ Из последних обзоров см., например: *A Companion to the Roman Republic* / Ed. N. Rosenstein and R. Morstein-Marx. Oxf., 2006. P. 3-28.

⁴ *A Companion to Roman Religion* / Ed. By J. Rüpke. Oxf., 2007. P. 10.

политической системы римской Республики, дело обстоит еще хуже, ибо нет даже высказываний о его необходимости.

Характерной чертой немецкой историографии, господствовавшей в XIX в. в римском антиковедении, следует признать популярность историко-юридического подхода, когда основное внимание уделялось систематизации сакральных и политических институтов, что, впрочем, не исключало анализ их исторического развития. Этот подход имел немало достижений, в частности, он позволял выяснить принципы функционирования системы, что особенно важно в работах по истории раннего Рима, опирающихся на позднюю традицию, которую сложно верифицировать. Трудно превзойти по объему использованного материала, знанию источников и разнообразию решаемых проблем исследования крупнейших представителей немецкой научной школы XIX в. Й. Рубино, Л. Ланге, Э. Герцога, Й. Маркварта, Г. Виссоны и, конечно, Т. Моммзена. Его фундаментальный труд «Римское государственное право»⁵ стал важной вехой в развитии римской историографии, воплотив в себе тогдашние достижения науки и определив пути ее дальнейшего развития⁶. Но нельзя не отметить, что стремление привнести систему и правило в область, где немалое значение имеют традиция и ситуация, чрезмерно упрощает и схематизирует действительность. Этот обычный упрек труду Т. Моммзена особенно значим для иррациональной религиозной области. В полной мере сказанное относится и к историко-антикварному направлению, также популярному в то время, ярким представителем которого являлся Л. Ланге⁷. Кроме того, для науки этого и более позднего времени (до середины XX в.) характерна тенденция признавать за религиозными институтами прямое политическое значение, что получило наиболее полное воплощение в монографии известного французского ученого Фюстель де Куланжа «Древняя гражданская община»⁸.

Развитие изучения древнеримской религии в первой половине XX в. выразилось в более широком привлечении данных этнографии и археологии, в комплексном изучении эволюции всего общественного организма, в установлении принципов религиозной системы Рима, общих с другими религиями (прежде всего, древнегреческой) и т. д. Не имея

⁵ *Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. 1-3. Aufl. 3. Leipzig, 1887-1888.*

⁶ Краткую, но содержательную характеристику главного труда Т. Моммзена см.: *Дементьева В. В. Теодор Моммзен: историко-правовое моделирование римской государственности // ВДИ. 2005. № 1. С. 182-192.*

⁷ *Lange L. Römische Alterthümer. Bd. 1-2. Aufl. 3. B., 1876-1879.*

⁸ *Фюстель де Куланж Н. Д. Древняя гражданская община. Пер. Н. Н. Спиридонова. М., 1895. С. 169.*

прямого отношения к рассматриваемой проблематике, сравнительно-религиоведческие исследования и подходы, тем не менее, оказали некоторое влияние и на изучение политических институтов, в частности, в работах А. Хагерстрема, Х. Эрикссона и Х. Вагенвоорта⁹.

Не угас в современной историографии интерес и к общим обзорам по римской религии, что отражает, по-видимому, неудовлетворенность имеющимися концепциями, которые пока еще не дали убедительного ответа на вопрос о сущности и специфике древнеримской религии. Лучшие традиции немецкой школы XIX в. по тщательности и полноте подбора источников, разнообразию решаемых проблем продолжил К. Латте в монографии «Римская религиозная история»¹⁰. Несколько общих обзоров представлены англоязычной историографией¹¹. В них заметно стремление рассматривать религиозные процессы в тесной связи с социально-политическими, проявляется особый интерес к анализу развития и изменений. Большое внимание уделено основным чертам религиозных представлений древних римлян, специфике их «взаимоотношений» с богами, религиозной практике и жреческой организации, в гораздо меньшей степени – религиозно-политической системе. Интересные работы, представляющие собой введение в римское религиоведение, принадлежат перу Й. Рюпке и Дж. Шайда¹². Через всю работу Дж. Шайда «красной нитью» проходит подчеркивание значения гражданской общины в формировании специфических черт собственно римской религии. Тем не менее, нельзя не отметить, что для общих трудов характерно смещение внимания в сторону изложения собственно религиозных особенностей, что объясняется обширностью материала. Соответственно, теряются те черты римской религии, которые были обусловлены существованием гражданской общины и создавали неповторимый колорит этой идеологической и политической системы, в то время как собственно религиозные характеристики во многом совпадают с другими стадияльно близкими обществами.

⁹ *Hägerström A.* Das magistratische ius in seinem Zusammenhang mit der römischen Sakralrechte. Uppsala, 1929; *Ericsson H.* Die römischen Auspizien in ihrem Zusammenhang mit der Magistratur // ARW. Bd. 33. 1936. S. 294-302; *Wagenvoort H.* Roman dynamism. Studies in ancient Roman thought, language and custom. Oxf., 1947.

¹⁰ *Latte K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960. S. 10-11.

¹¹ Cambridge ancient history. Vol. VII. 2nd ed. Cambr., 1989; *Beard M., North J., Price S.* Religions of Rome. Vol. I. Cambr., 1998; A Companion to Roman Religion. Oxf., 2007.

¹² *Шайд Дж.* Религия римлян. М., 2006 (первое французское издание вышло в 1998 г.); *Rüpke J.* Die Religion der Römer. Eine Einführung. München, 2001.

Для второй половине XX в. можно говорить уже о появлении работ, посвященных комплексному изучению религиозно-политической организации республиканского Рима, хотя все же это направление в мировой историографии остается слабо выделенным. В некоторых исследованиях названная цель достаточно четко формулируется и осознается, например, в монографии А. Уордмана «Религия и управление государством у римлян», вышедшей в 1982 г.¹³ Пунктом, где наиболее наглядно пересекаются религия и политическая власть, являются магистратские ауспиции. Изучение этого важного вопроса тесно связано с изучением республиканской политической системы, принципов, на которых строилось осуществление властных полномочий при Республике. Заметный прорыв произошел в историографии второй половины XX в., когда данный феномен римской политической системы привлек пристальное внимание. Особо следует отметить фундаментальные труды П. Каталано, А. Магделена и Дж. Линдерски, посвященные авгуральному праву¹⁴. Теоретические проблемы ауспиций в связи с понятиями *imperium* и *potestas*, обозначавшими различные аспекты магистратской власти, рассмотрены в статье Й. Бляйкена, имеющей принципиальное значение для изучения этого вопроса¹⁵. Краткие, но вполне представительные итоги изучения куриатного закона и, попутно, магистратского права на ауспиции подведены в относительно недавно вышедшей статье французского ученого Б. Стассэ¹⁶. Однако, сакральные полномочия высшей ординарной магистратуры (консулов) в целом не привлекли исследовательского внимания, за исключением упомянутого вопроса о праве на ауспиции и его источнике, т.е. вопроса о сакральной инвеституре. Больше интереса вызвали диктатура как наиболее близкая царской власти, чей сакральный характер общепризнан. В посвященных ей работах ясно заметна тенденция видеть в этой магистратуре особое сакральное содержание¹⁷.

¹³ *Wardman A. Religion and statecraft among the Romans. L., 1982.* Вопросам, находящимся на пересечении религиозной и политической сфер, посвящен недавно вышедший сборник: *Law and Religion in the Roman Republic / ed. by O. Tellegen-Couperus. Leiden – Boston, 2012.*

¹⁴ *Catalano P. Contributi allo studio del diritto augurale. Torino. 1960; Magdelain A. Recherches sur l' imperium. La loi curiate et les auspices d' investiture. P., 1968; Linderski J. The Augural Law // ANRW. II. Bd. 16. Teilbd. 3. B. – N.-Y., 1986. P. 2146-2312.*

¹⁵ *Bleicken J. Zum Begriff der römischen Amtsgewalt auspiciumpotestasimperium // NAWG. I. Philologisch-historische Klasse. 1981. № 9. S. 257-300.*

¹⁶ *Stasse B. La loi curiate des magistrats // RIDA. T. 52. 2005. P. 375-400.*

¹⁷ См., например: *Werner R. Der Beginn der römischen Republik. Wien, 1963. S. 27-33; Magdelain A. Recherches... P. 28-29; Kaplan A. Religious dictators of the Roman Republic // CW. Vol. 67. № 3. 1973. P. 172-175; Sini Fr. A proposito del carattere religioso del 'dictator' (note metodologiche sui documenti sacerdotali) // SDHI. № 42. 1976. P. 420-424.*

Что касается жречества, то взвешенный подход к определению его политического значения и влияния (прежде всего, понтификов) при Республики был сформулирован в ставших классическими работах Й. Бляйкена¹⁸ и Г. Сцемлера¹⁹. В их трудах намечен отход от формально-юридического метода изучения сакральной системы, характерного для предшествовавшей историографии, имеется ясное осознание подверженности ее изменениям и влияниям со стороны других сфер жизни. Из фундаментального принципа разделения между сакральной и политической властями исходил известный исследователь римской религии Дж. Шайд при анализе взаимоотношений между жречеством и магистратурой и особенностей статуса жрецов при Республики²⁰. Многие аспекты статуса и деятельности римского жречества как в целом, так и отдельных коллегий и сообществ подробно исследовала Д. Порте²¹. Глубокий и подробный анализ различных типов жреческих документов (*libri* и *commentarii*) и их содержания представлен в монографии известного итальянского исследователя Ф. Сини²².

В 90-х гг. XX в., после довольно долгого перерыва, вышло три монографии, посвященные анализу храмового строительства в религиозно-политическом контексте²³. Предыдущая историография XX в. касалась лишь отдельных аспектов процедуры учреждения общественного храма²⁴ и мало что добавила к той картине, что была создана в общих работах по римской религии и государственному управлению во второй половине XIX

¹⁸ *Bleicken J.* Oberpontifex und Pontifikalkollegium. Eine Studie zur römischen Sacralverfassung // *Hermes*. Bd 85. Ht 3. 1957. S. 345-366; *Idem.* Kollisionen zwischen Sacrum und Publicum. Eine Studie zum Verfall der altrömischen Religion // *Hermes*. Bd 85. Ht 4. 1957. S. 446-480.

¹⁹ *Szemler G. J.* Religio, priesthoods and magistracies in the Roman Republic // *Numen*. Vol. 18. Fasc. 2. 1971. P. 103-131; *Idem.* The Priests of the Roman Republic. A Study of Interactions Between Priesthoods and Magistracies. Bruxelles, 1972; *Idem.* Pontifex // *RE*. Supplbd. 15. München, 1978. Sp. 333-396; *Idem.* Priesthoods and Priestly Careers in Ancient Rome // *ANRW*. II. Bd 16. Teilbd. 3. B. – N.-Y., 1986. P. 2314-2331.

²⁰ *Scheid J.* Le prêtre et le magistrat. Réflexions sur les sacerdotes et le droit public à la fin de la République // *Des ordres à Rome*. Ed. C. Nicolet. P., 1984. P. 243-280; *Шайд Дж.* Указ. соч. С. 135-150.

²¹ *Porte D.* Les donneurs de sacré. Le prêtre à Rome. P., 1989.

²² *Sini Fr.* Documenti sacerdotali di Roma antica. I. Libri e commentarii. Sassari, 1983.

²³ *Ziolkowski A.* The Temples of Mid-Republican Rome and their Historical and Topographical Context. Roma, 1992; *Abersson M.* Temples votifs et butin de guerre dans la Rome republicaine. Genève, 1994; *Orlin E. M.* Temples, religion and politics in the Roman Republic. Leiden – N.-Y. – Köln, 1997.

²⁴ *Rohde G.* Die Bedeutung der Tempelgründungen im Staatsleben der Römer. Marburg, 1932; *Weinstock St.* Templum // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Röm. Abt.* Bd 47. 1932. S. 95-121; *Bardon H.* La naissance d'un temple // *REL*. Vol. 33. 1955. P. 166-182.

в. Упомянутые же монографии обозначили серьезный прорыв в изучении этой темы. Наиболее полное отражение религиозно-политическое содержание храмового строительства получило в интересном исследовании Э. М. Орлина «Храмы, религия и политика в римской Республике» (1997 г.).

В отечественной науке рассматриваемые проблемы религиозно-политического характера долгое время не привлекали особого внимания. Для дореволюционной историографии можно отметить интересные исследования И. В. Нетушила и И. Бердникова²⁵. В советское время лишь во второй половине XX в. стали появляться работы, посвященные религиозным вопросам, наиболее крупные из которых принадлежат А. И. Немировскому и Е. М. Штаерман²⁶. Общим является внимание к социально-экономическим корням сакральных учреждений, стремление связать развитие религии с прогрессом общества, широкое привлечение этнографических данных, аналогий из стадияльно близких обществ. Популярность сравнительного метода была обусловлена применением общего, марксистского, критерия (развитие способа производства) к различным обществам. Примерно в это же время, в 60-80 гг. XX в., появился ряд работ, в которых история архаического Рима была рассмотрена в ее социально-политическом аспекте с преимущественным вниманием к проблеме становления древнеримской государственности²⁷. Наиболее полное воплощение новые тенденции в отечественной историографии получили в монографии И. Л. Маяк. Ее исследование отличается подчеркнутым вниманием к полисным структурам, анализ которых был поднят на новый уровень – от общего социально-политического анализа к конкретному сопоставлению с гентильными и политическими структурами, во взаимодействии которых сформировался этот уникальный феномен античности. Весьма важно осуществленное ею изучение религиозной политики царей, в ходе которого И. Л. Маяк высказала плодотворные мысли о создании ими общих для всего Рима культов,

²⁵ Бердников И. Государственное положение религии в римско-византийской империи. Т. 1. Государственное положение религии в римской империи (до Константина Великого). Казань, 1881; Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей. Ч. I-II. Харьков, 1894; 1902.

²⁶ Немировский А. И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964; Штаерман Е. М. От религии общин к мировой религии // Культура древнего Рима. Т. I. М., 1985. С. 106-209; Она же. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987.

²⁷ Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962; Нечай Ф. М. Образование римского государства. Минск, 1972; Маяк И. Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983.

наряду с куриальными и родовыми, и о двойственности положения жрецов этих общеримских культов²⁸.

В последние десятилетия изучение античности в отечественной науке вышло на качественно новый уровень. Оно начинает приобретать системный характер, охватывая все новые направления. Не осталась без внимания и сакрально-политическая организация республиканского Рима, причем дело уже не ограничивается исследованием отдельных проблем, но появились и целостные концепции. Наибольшее внимание изучению влияния религии на различные аспекты жизни римского общества уделил Л. Л. Кофанов, предложив гипотезы и решения концептуального уровня²⁹. Значительный вклад в изучение магистратской власти в древнем Риме и в ее теоретическое осмысление внесли работы В. В. Дементьевой. Религиозные аспекты магистратской власти рассматриваются, главным образом, в ее монографии, посвященной междуцарствию, поскольку этот политический институт тесно связан с вопросом о магистратских ауспициях, их значении и содержании³⁰. Отдельный параграф посвящен куриатному закону в монографии Ф. А. Михайловского³¹. Этому же вопросу уделил довольно много внимания В. Н. Токмаков при исследовании военных полномочий высших магистратов³². Различные аспекты религиозной жизни и организации древнего Рима рассматривались в работах Н. Г. Майоровой, В. А. Гончарова, Н. Д. Кленышевой, П. С. Боровкова, А. Н. Грешных, А. К. Сухарева и ряда других исследователей.

В целом следует отметить, что в отечественной историографии крайне незначительное внимание привлекло республиканское храмовое строительство в его религиозном и политическом контексте (не в архитектурном). Немного больше внимания уделено магистратскому праву на общественные ауспиции, составлявшему важнейшую часть полномочий исполнительной власти, и религиозным полномочиям республиканских магистратов, но и эти вопросы не стали объектом специального анализа. Исключением из нарисованной картины являются политические

²⁸ *Маяк И. Л.* Рим первых царей... С. 243-244; 246-254.

²⁹ *Кофанов Л. Л.* Lex и Ius: возникновение и развитие римского права в VIII-III вв. до н.э. М., 2006.

³⁰ *Дементьева В. В.* Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. С. 53-66 (et passim).

³¹ *Михайловский Ф. А.* Власть Октавиана Августа. М., 2000. С. 72-87.

³² *Токмаков В. Н.* Куриатные комиции и военные магистратуры в Раннем Риме // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 121-130; Он же. Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме ранней Республики // ВДИ. 1997. № 2. С. 43-59.

полномочия и значение жрецов, однако, они, как правило, рассматриваются лишь в общем плане и в контексте решения иных, чисто религиозных, проблем. В мировой историографии подробно рассматривались различные аспекты заявленной темы, но работ, посвященных совокупности изучаемых проблем, очень мало, и они заметно отличаются друг от друга своим выбором научной проблематики.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования при разработке общих и специальных курсов по истории царского и республиканского Рима, политической системы римской Республики, римской религии, отдельных магистратур и жреческих коллегий, а также храмового строительства. Проведенный анализ функционирования религиозных и политических институтов может быть использован и в более широком контексте изучения сути и характера политической власти в мировой истории.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета и на заседании кафедры истории древнего мира Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Предварительные результаты и основные выводы по проблемам диссертационного исследования были изложены в докладах на региональных, всероссийских и международных конференциях, в т.ч. на VI–X, XII, XIV–XVII, XVIII Сергеевских чтениях в МГУ им. М. В. Ломоносова (1989, 1991, 1993, 1995, 1997, 2001, 2005, 2007, 2009, 2011, 2013 гг.), VIII и IX Жебелевских чтениях в СПбГУ (2006, 2007 гг.), I–IV международных конференциях «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права» (1997, 2000, 2003, 2006 гг.), конференции Российской ассоциации антиковедов в ИВИ РАН (2003 г.), на российско-итальянском семинаре по проблеме жреческих документов в г. Сассари (Италия, 1998 г.), на международном семинаре по римскому праву в г. Казерта (Италия, 2005 г.), на российско-германской научной конференции в ЯрГУ (2007 г.), на конференциях в Нижегородском (2006, 2008, 2010, 2012 гг.), Киевском (2007 г.), Белгородском (2007), Владимирском (2009), Саратовском (2010, 2012 гг.) университетах, на конференции, посвященной 15-летию юбилею ИВКА РГГУ (2009 г.), на II «Миусских античных посиделках» в РГГУ (2010 г.) и на других конференциях и научно-методических семинарах. Результаты исследования отражены в монографии «Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. М.: РГГУ, 2012» (35, 3 п.л.), в главах коллективной монографии «Жреческие коллегии в раннем Риме. К

вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М.: Наука, 2001» (авторская часть – 7 п.л.) и в статьях общим объемом около 36 п.л., в том числе в 10 статьях объемом 12 п.л. в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, указываются ее хронологические рамки, рассматриваются источниковая база и степень изученности темы, формулируются объект, предмет, цель и задачи исследования, определяется научная новизна исследования и его методологическая база, дается информация о практической значимости работы и ее апробации.

Первая глава «Источник и значение магистратских ауспиций» посвящена теоретическим аспектам сакральной составляющей магистратской власти. Речь идет о праве на общественные ауспиции, т.е. выяснять волю богов, гадая по птицам. О значимости этого права говорится в **первом параграфе**. Оно лежало в основе прочих полномочий магистратов и образовывало сакральную базу их политических актов. Исходя из признания приоритета религии, римская политическая теория даже дифференцировала магистратскую власть в соответствии с правом на ауспиции. Важнейшим вопросом для понимания характера этого сакрального права является определение его источника, т.е. определение, кому, где и каким образом вручались общественные ауспиции. В историографии преобладает мнение, что правом на общественные ауспиции магистрата наделял куриатный закон об империи (*lex curiata de imperio*), или, по крайней мере, признается связь между ауспициями и куриатным законом³³. Такой закон по поводу своей власти вносил на

³³ *Hägerström A.* Op. cit. S. 19. Anm. 1; 20-23; *Levi A.* Auspicio imperio ductu felicitate // RIL. Vol. 71. 1938. P. 107; *Staveley E. S.* The Constitution of the Roman Republic (1940–1954) // Historia. 1956. Bd V. Ht 1. P. 84-90; *Catalano P.* Op. cit. P. 469; 479-486; *Werner R.* Op. cit. S. 252; *Magdelain A.* Op. cit. P. 16-20; 36-38; *Develin R.* Lex curiata and the competence of magistrates // Mnemosyne. Series IV. Vol. 30. Fasc. 1. 1977. P. 53-54; 59; 64-65; *Giovannini A.* Consulare imperium. Basel, 1983. P. 44-56; *Stewart R.* Public Office in Early Rome. Ann Arbor, 1998. P. 22; 34; 116; 182; *Forsythe G.* A critical history of early Rome: from prehistory to the first Punic War. Berkeley, 2005. P. 179; *Покровский И. А.* История римского права. СПб., 1998. С. 92; *Токмаков В. Н.* Куриатные комиции... С.

куриатные комиции высший магистрат после вступления в должность. Само его название говорит о том, что его вносили только магистраты с империем. Кроме того, цензоры вносили центуриатный, а не куриатный, закон о своей власти. Отрицание связи куриатного закона и ауспиций, доказательству чего посвящен **второй параграф**, потребовало внимательного анализа аргументов сторонников господствующей точки зрения – таких эпизодов римской истории, как назначение Камилла диктатором во время галльской осады Капитолия (290 г. до н.э.), начало второго консульства Г. Фламиния (217 г. до н.э.), аграрный законопроект Сервилия Рулла (63 г. до н.э.) с интересной информацией в речи Цицерона по этому поводу, испанское проконсульство П. Корнелия Сципиона во II Пунической войне и др. О наличии у магистратов ауспиций вне зависимости от куриатного закона свидетельствует, в частности, четко прослеживаемая в источниках связь этого права с теми электоральными комициями, которые происходили после совершения ауспиций. Все известные нам случаи отказа магистратов от должности по религиозным причинам были вызваны огрешностью (*vitium*) в ауспициях при их избрании, но никогда причиной отказа от должности не объявлялись сакральные нарушения при принятии куриатного закона об империи, что свидетельствует об особой значимости процедуры избрания с точки зрения авгурального права. Именно в электоральных комициях заключался, по мнению автора диссертации, источник магистратских ауспиций.

Доказательству и конкретизации этого тезиса посвящен **третий параграф**. Особое внимание уделено сакральным сторонам процедуры *renuntiatio*, т.е. «объявления» победителя на выборах магистратов. По мнению автора, этот акт играл важную роль в предоставлении магистрату права на общественные ауспиции, которое при каждом избрании появлялось заново и которое он реализовывал лишь после сложения полномочий прежним магистратом. Были выявлены ауспикальные черты процедуры *renuntiatio*. В частности, одним из видов ауспиций являлась предшествовавшая ей жеребьевка порядка объявления голосов центурий (триб, курий). Таким образом, полномочия магистрата в сакральной области фактически зависели от получения им политических полномочий, что соответствует основным принципам религиозно-политической организации римской гражданской общины (*civitas*). Отдельной «божественной инвеституры» в республиканской политической практике не было. Отсутствие специального акта наделения ауспициями с

125; Он же. Сакральные аспекты... С. 54-55; Дементьева В. В. Римское республиканское междуцарствие... С. 58; 60.

религиозной точки зрения можно объяснить тем, что избрание было освящено Юпитером через комициальные ауспиции и ауспикальную процедуру жеребьевки и потому не нуждалось в дальнейшем подтверждении с его же стороны, т.е. в «божественной инвеституре».

Хотя передача полномочий от предшественника преемнику не имела место, все же сакральная полноценность новых магистратов во многом определялась сакральной полноценностью власти и действий руководителя электоральных комиций, т.е. зависела от религиозных условий проведения политического акта. В этом смысле можно говорить о передаче права на ауспиции, ибо было важно, кто организует этот акт. О религиозно-политическом значении электоральной процедуры говорит особое внимание к ней в римской политической теории. Ведь она определяла сакральную правомочность власти высших магистратов, которые ежегодно менялись. Момент же перемены весьма опасен в сакральном отношении, ибо чреват ошибками в ритуале, изменением воли богов и, в целом, нарушением мира с богами (*рах деогум*). Соответственно, в **четвертом параграфе** рассматривается ситуация, когда консулам по религиозным соображениям не доверяли выборы преемников. Это касалось консулов-суффектов, т.е. доизбранных, и тех, кто досрочно сложил свои полномочия. О важной роли электоральных ауспиций также свидетельствует т.н. «обновление ауспиций» (*renovatio auspicioum*), происходившее через отказ магистратов от власти и интеррегнум в условиях обострения религиозных опасений. Обращает на себя внимание, что в этих случаях высшим магистратам не доверяли проведение именно выборов, а целью междуцарствия объявлялось обновление именно ауспиций. По-видимому, таким путем римляне стремились предотвратить получение новыми магистратами неполноценных ауспиций. Эти опасения были бы беспочвенными, если бы ауспиции передавались куриатным законом (ведь руководитель электоральных комиций не имел к нему отношения), а не посредством процедуры *creatio*. Поэтому эвентуальное ограничение консульского империя распространялось только на одну магистратскую функцию – избрание преемников, и в основе этого ограничения лежало право на общественные ауспиции.

Вывод о ключевом значении процедуры *creatio* в сакральной легитимации магистратской власти (т.е. в получении права на ауспиции) позволяет по-иному взглянуть на ряд проблем, связанных с политическими институтами республиканского Рима и их формированием, на которое немалое влияние оказало патрицианско-плебейское противостояние (**пятый параграф**). Претензии патрициев на исключительное обладание

общественными ауспициями имели своим источником традицию (длительное, практически монопольное исполнение патрициями общественных должностей), а не особую изначальную связь между ними. За риторическими пассажами античной историографии скрывается историческая реальность, если признать, что право на общественные ауспиции предоставлялось в ходе ауспикальных процедур на электоральных комициях. Таким образом, и патриций приобретал его лишь в случае своего избрания. Соответственно, плебеи, будучи допущены к высшим должностям, тем самым одновременно получили право на общественные ауспиции (в случае избрания). Этим объясняется, почему допуск плебеев к консулату носил исключительно политический характер: нигде не сообщается о каких-нибудь особых сакральных мероприятиях по приобщению плебеев к «патрицианским» ауспициям. Принципиальная возможность осуществления общественных ауспиций не только патрициями, но и плебеями является следствием формирования единой гражданской общины, объединившей оба сословия.

Во **второй главе** анализируются религиозные полномочия исполнительной власти и сакральное содержание этой власти. Изучению отдельных республиканских магистратур предпосылается исследование царской власти (**первый параграф**), наследницей которой явилась республиканская магистратура. Учреждение жреческой должности царя священнодействий (*rex sacrificulus* или *sacrorum*) после ликвидации политической царской власти свидетельствует, что и в конце царского периода царь воспринимался не только как политический руководитель, но и как жрец, в отличие от республиканских магистратов, хотя они также имели сакральные полномочия. Как показал анализ обязанностей царя священнодействий, архаическая царская власть была связана с сакральным делением года, что имеет широкие параллели, являясь типичным для обществ на переходной стадии от первобытности к цивилизации. Эта связь характерна для фигуры «священного царя», отвечавшего за «порядок» не только в обществе, но и в космосе. Таким образом, царская власть в древнем Риме имела самостоятельное сакральное значение помимо того, что цари обладали значительными властными полномочиями в религиозной области и стремились ее контролировать, а также могли дополнительно занимать те или иные жреческие должности. Вывод о жреческом характере царского сана подтверждается и анализом процедуры царской инаугурации. Однако сакрализация личности правителя, сказавшаяся на изображении в традиции Ромула и Нумы, в Риме не

получила развития. Здесь скорее следует говорить о сакрализации самой власти, ее полномочий, должности и титула царя.

При анализе республиканской магистратуры в первую очередь рассмотрены сакральные стороны консульской (преторской) сферы компетенции, которая послужила основой для создания системы исполнительной власти республиканского Рима. Этому посвящен **второй параграф**. При возникновении магистратской власти в начале Республики – для древности власти по-настоящему уникальной – был совершен коренной переворот и в ее религиозном «оформлении». Был резко понижен по сравнению с царским ее сакральный статус, что позволяет говорить об определенной десакрализации осуществления властных функций. О том же свидетельствует незначительный объем религиозных полномочий консульской власти по сравнению с царской. Все известные полномочия такого рода подробно рассмотрены в данном параграфе. Если царская власть явно имела сакральный характер сама по себе, то для магистратской можно говорить лишь о некоторых пережитках такого восприятия, а в целом ее сакральное содержание определялось дополнительными религиозными обязанностями, связанными с политическими полномочиями. В пользу этого вывода говорит отсутствие религиозных полномочий, принадлежавших исключительно консульской или любой другой магистратуре, в отличие от царской власти. Ввиду консервативности религии такое положение следует признать результатом резкого («революционного»), а не эволюционного, изменения полномочий высшей власти, что резонно связать с изгнанием царей и произведенными при этом изменениями, которые затем уже зафиксировались как традиционные.

Вывод о коренных изменениях в религиозном статусе магистратской власти при ее учреждении подтверждается анализом диктатуры (**третий параграф**). Особая значимость этого анализа обусловлено тем, что диктатура и древними авторами, и современными исследователями считается в политическом отношении наиболее близкой к царской власти, а то и аналогичной ей. Широко распространенные в историографии представления о раннереспубликанской диктатуре как о магистратуре с особым сакральным и даже магическим характером³⁴ противоречат

³⁴ См., например: *Hägerström A.* Op. cit. S. 8. Anm. 2; 17. Anm. 2; *Cohen D.* The origin of Roman dictatorship // *Mnemosyne*. Ser. IV. Vol. 10. Fasc. 4. 1957. P. 300-318; *Jahn J.* Interregnum und Wahldiktatur. Kallmünz, 1970. S. 33; *Kunkel W.* Zum römischem Königtum // *Idem.* Kleine Schiften. Weimar, 1974. S. 363; *Gusso M.* Appunti sulla notazione dei Fasti Capitolini *interregni caus(sa)* per la (pro-)dittatura di Q. Fabio Massimo nel 217 a. C. // *Historia*. Bd. 39. Ht. 3. 1990. P. 296; *Дементьева В. В.* Магистратура диктатора в ранней

основам римской религиозности и республиканской политической организации. Проведенное исследование показало, что сакральные полномочия диктаторов, в том числе тех, кто был назначен специально для осуществления религиозных задач, не представляли собой нечто особенное и уникальное, принципиально отличное от сакральных обязанностей высших ординарных магистратов. Не диктатура, а консулат имел особое сакрально-политическое значение в системе управления римской Республики, чем определялось признаваемое в качестве нормы исключительное право консулов назначать диктаторов. Само это назначение (*dictio*) совпадало по своей сути с избранием консулов на электоральных комициях, принципиально отличаясь от жреческой инаугурации. Отсутствие ясных и бесспорных указаний на магическое содержание и восприятие магистратской власти при Республике в значительной степени объясняется сознательной политикой римской элиты по некоторой, если можно так выразиться, «десакрализации» властных полномочий, что было вызвано логикой борьбы с царской властью, имевшей сакральный характер и значительные религиозные функции. Определенную лепту в этот процесс внесло и патрицианско-плебейское противостояние, развитие тех тенденций, которые привели к формированию *цивитас*.

Созданная в 443 г. до н.э. магистратура цензоров имела высокий и, можно сказать, уникальный сакральный престиж, хотя обязанности цензоров, имевшие отношение к религии, были весьма и весьма немногочисленны. Действительно важной в сакрально-политическом плане была лишь завершавшая ценз церемония *lustrum*, которая подробно исследована в **четвертом параграфе** данной главы. О важности люстра говорит то обстоятельство, что проведение его – единственное цензорское (и не только) мероприятие, которое отмечалось в *фастах*, если не считать досрочного сложения магистратами своих полномочий, что также являлось сакрально-политическим актом. Осуществление этой церемонии давало юридическую силу результатам ценза и тем самым определяло экономическую, социальную и политическую жизнь римской гражданской общины. Именно с люстром были связаны некоторые религиозные предписания и ограничения, наложенные на цензуру, поскольку, по мнению римлян, надлежащим образом (*rite*) исполненный обряд обеспечивал процветание до следующей церемонии. Осуществление церемонии *lustrum* являлось делом обоих цензоров, хотя одному из них

римской Республике (V-III вв. до н.э.). Ярославль, 1996. С. 35-36; 46; 50; 100-101; Токмаков В. Н. Сакральные аспекты... С. 46.

принадлежала ведущая роль, как показал анализ цензуры П. Сципиона Эмилиана и Л. Муммия (142/141 гг. до н.э.). А именно, один цензор приносил в жертву кабана, барана и быка (*solitaurilia*), другой же в этот момент возносил молитву-обет. Ключевым, по всей видимости, считалось совершение жертвоприношения *solitaurilia*. Такой вывод отвечает римской религиозной практике, где важнейшую роль играл именно обряд. Важное религиозно-политическое значение ритуала *lustrum* обусловило особую сакральную ауру магистратуры цензоров, хотя их полномочия в области религии сводились практически только к нему одному.

Третья глава посвящена политически значимым жреческим коллегиям республиканского Рима – авгурам и понтификам. О политическом значении других жрецов и их объединений говорить не приходится. Дополнительно рассмотрена коллегия жрецов священнодействий, чье положение наиболее наглядно воплощает основные принципы взаимодействия светской и религиозной власти в римской Республике. **Первый параграф** посвящен общему анализу римского жречества в целом и эволюции его положения в царский и раннереспубликанский периоды, когда сформировались специфические особенности жреческой организации римской гражданской общины. В традиции можно проследить отголоски борьбы за господство двух сил – служилой верхушки во главе с военным вождем (царем) и родоплеменной знати, включая и соперничество за контроль над жречеством, подобно другим стадияльно близким обществам. Деятельность царей выражалась, в частности, в реорганизации древних, еще первобытнообщинных, культов и связанного с ними жречества и в учреждении новых жреческих должностей и коллегий. Создание оформленной и численно ограниченной жреческой структуры, значительно более жесткой по сравнению со жречеством первобытной эпохи, облегчало установление контроля над ним со стороны царской власти. Такое жречество оказывалось ближе к царской власти, чем к аристократии, чье влияние должно было быть наибольшим как раз в родоплеменных (и иных) подразделениях римской общины. Цари стремились установить контроль за доходами со священных земель, которые шли на содержание публичного жречества и другие религиозные цели. Вполне вероятно, что истоки финансовой «несамостоятельности» публичной сакральной сферы при Республике лежат в данной политике римских царей, которая заложила определенную традицию, закрепленную впоследствии политическими процессами уже республиканского периода.

Победа патрициев ликвидировала условия, при которых жречество, находясь между царской властью и общинной аристократией, имело потенциальные возможности обособления в отдельный самостоятельный слой правящего класса со своими «кастовыми» интересами, подобно жречеству в странах древнего Востока. Пришедшая к власти патрицианская верхушка, конечно, не была заинтересована в возникновении независимого жреческого сектора в экономической и общественной жизни и в создании параллельного аппарата власти. В традиции сохранились следы определенного недоверия к жречеству со стороны общинной власти, в частности, косвенные свидетельства существовавших прежде ограничений для жрецов на общественно-политическую деятельность. Несмотря на интенсивное храмовое строительство, римское публичное жречество группировалось не вокруг храмов, а по своим функциям, что также являлось наследием царского периода. Тем самым оно было лишено возможности создания централизованных организационных структур со своим независимым экономическим базисом. Земли, которые относились к жреческим коллегиям, как и общественные, находились в распоряжении светской власти. К тому же, возможности использования священных земель были ограничены, ибо оно регулировалось различными религиозными запретами и правилами. Таким образом, римское жречество имело крайне маломощную экономическую базу, к тому же было стеснено в распоряжении ею, что наряду с другими факторами препятствовало оформлению жречества в самостоятельную общественную силу. В республиканском Риме оно четко отличалось от магистратуры и не обладало политическими полномочиями. Не давал жреческий сан и права на членство в сенате, во всяком случае, в историческую эпоху.

В **следующих параграфах** рассмотрено положение и роль в республиканской политической системе важнейших жреческих коллегий – авгуров, понтификов и жрецов священнодействий. Во **втором параграфе** рассмотрено авгурское учение, о тесной связи которого с римской политической системой свидетельствуют не только различные формы сотрудничества и взаимодействия магистратов и авгуров, но и встречающиеся в источниках отсылки к решениям и учению авгуров при рассмотрении, казалось бы, чисто политических вопросов. Тем не менее, высокая общая оценка античными авторами политического значения авгуров, ставшая составным элементом «римского мифа», не соответствует республиканским реалиям. Прежде всего, авгуры не обладали инициативой при определении сакральной правомерности действий светской власти.

Они объявляли те или иные акты огрешными, т.е. совершенными с нарушением учения об ауспициях, лишь в ответ на поставленный вопрос. Кроме того, решения авгуров нуждались в дополнительном утверждении сената. Магистрат, во всяком случае, магистрат с империем, имел полномочия, чтобы привлечь авгура к участию в своем гадании (ауспициях), в ходе которого авгур выполнял обычную для римской практики жреческую функцию – подсказывал магистрату необходимые сакральные тексты. Ни о какой их активной политической роли говорить не приходится в силу отсутствия свидетельств таковой, что, впрочем, не умаляет их реального влияния. Будучи неформальным, основанным на обычае и традиции, оно вполне обеспечивало высокое значение авгуров и практически обязательную силу их решений, или, точнее, их советов. Ведь сомнения в правильности толкования ауспиций порождали сомнения в правомерности соответствующих государственных актов, компетентное же мнение коллегии авгуров вселяло уверенность в помощи и поддержке со стороны богов. Конечно, нередко под религиозными сомнениями скрывались политические противоречия, но и в таком случае уже сам перевод проблемы из сферы политической в сферу сакральную позволял снизить уровень напряженности внутри гражданского коллектива, укрепить согласие и единство римских граждан.

Столь же высоко, как авгуров, античная традиция оценивала общественно-политическое значение понтификов и особенно их главы, верховного понтифика. В общих характеристиках понтифика предстают руководителями сакральной организации республиканского Рима, причем с определенными политическими полномочиями, которые давали им возможность влиять на органы власти и на управление римской общиной. Соответствие этих оценок реальной действительности рассмотрено в **третьем параграфе.**

Одним из самых сложных и важных вопросов для определения характера полномочий верховного понтифика является выяснение его роли на т.н. калатных комициях (куриатных или центуриатных), компетенция которых относилась к области сакрального права. В источниках нет прямого ответа на вопрос, кто созывал калатные комиции и руководил ими. Анализ усыновления показывает, что полномочия понтификов сводились к предварительному расследованию, целью которого было установить допустимость этого акта, прежде всего, с точки зрения сакрального права. Нигде не говорится об их полномочиях собирать калатные комиции, руководить ими и вносить предложения. Все это мог совершать лишь магистрат с империем и правом на высшие ауспиции, ибо

калатные комиции собирались либо по куриям, либо по центуриям, а такие комиции происходили исключительно *auspicato*. Сказанное относится и к народному собранию по избранию жрецов, в том числе верховного понтифика.

Другой важной сферой деятельности понтификов являлись их административные и судебные полномочия в религиозных делах. При Республике верховный понтифик имел некоторую власть в отношении весталок, царя священнодействий и фламинов отдельных божеств. Все они, так или иначе, примыкали к коллегии понтификов, вероятно, даже входили в нее. Однако власть эта была властью авторитета, и фактически заставить жреца выполнять решение верховного понтифика могли лишь политические органы. Исключение составляют весталки. О каком-либо контроле над деятельностью остальных жрецов говорить не приходится. Таким образом, в республиканский период, в отличие от Империи, верховный понтифик не был руководителем всей римской жреческой организации. Собственно, и единой организации, каким-либо образом соподчиненной или взаимосвязанной, в эту эпоху не существовало.

В жизни отдельного гражданина понтифики играли важную роль, являясь частью системы общественного управления. Особое значение имела обязанность понтификов следить за сохранением родовых и фамильных священнодействий. Но реальный контроль со стороны коллегии понтификов за соблюдением частными лицами сакрального права был крайне затруднен и, пожалуй, даже практически невозможен в силу незначительной численности коллегии понтификов по сравнению с количеством граждан. Кроме того, необходимо учитывать особенности римской *familia* эпохи Республики, которую отличала огромная власть *pater familias* при невмешательстве гражданской общины во внутренние дела подвластного ему семейного коллектива. Таким образом, понтифики не имели возможности напрямую распоряжаться и в области частного культа. Скорее, речь должна идти о консультативном характере их деятельности. Точно такую же консультационную и вспомогательную роль понтифики играли при назначении и совершении искупительных жертвоприношений в случае пророчеств, при принятии обетов, учреждении общественных храмов, в календарных вопросах и при других своих функциях.

В **отдельном подпараграфе** рассмотрена традиция об участии верховного понтифика в восстановлении власти плебейских трибунов в 449 г. до н.э. после свержения децемвиров. Событие это совершенно уникально и, на первый взгляд, не укладывается в римскую политическую теорию: необычно и наделение электоральными полномочиями через

сенатусконсулт; и предоставление их верховному понтифику, т.е. не магистрату, а частному лицу; и принятие патрицианским сенатом постановления касательно плебейского собрания. Проведенный анализ позволил предложить и обосновать гипотезу, что руководство выборами плебейских трибунов осуществил один из двух предводителей плебейского войска, а не верховный понтифик. Его участие объяснялось необходимостью соблюдения сакральной стороны этих выборов, прежде всего, оно было желательно при произнесении клятвы, которой плебеи скрепили священную неприкосновенность трибунов при восстановлении их должности. Память о соучастии верховного понтифика в восстановлении трибунской власти со временем трансформировалась в представления о его руководящей роли в этом процессе, отразившиеся в рассказе Ливия. Не исключено понтификальное происхождение этой традиции, а также то, что на Ливия повлияли современные ему реалии, а именно, создание Августом системы единоличной власти, где плебейский трибунал и верховный понтификат имели особо важное значение, по своей сути принципиально отличаясь от соответствующих республиканских институтов.

В четвертом параграфе исследуется коллегия жрецов священнодействий (*sacerotum* или *sactis faciundis*). О ее значимости говорит то обстоятельство, что в традиции отразился факт допуска плебеев к членству в ней, подобно коллегиям понтификов и авгуров. Но в отличие от понтификов и авгуров, относительно политических полномочий которых идут дискуссии, жрецы священнодействий настолько ярко демонстрируют отсутствие каких-либо полномочий такого рода и подчиненность политической власти, что подчеркивание данного факта стало уже общим местом в историографии. Относясь к самым почетным жречествам, они были заняты исключительно религиозными вопросами и лишь через них могли оказывать какое-то косвенное влияние на общественные дела. К компетенции жрецов священнодействий не относился часто признаваемый в историографии надзор над всей сакральной областью заимствованных культов. Верховный надзор за нею, как и за деятельностью самой коллегии, осуществляла фактически политическая власть. В ее руках находился начальный и конечный пункт использования Сивиллиных оракулов, которыми ведала коллегия. Лишь один, хотя и ответственный этап в данном процессе целиком принадлежал жрецам: поиск нужного оракула в священных книгах и его интерпретация для определения требуемых от римлян сакральных действий. И этот контроль со стороны сената вполне понятен, если учесть крайние обстоятельства, при которых прибегали к

данному средству, значительное влияние предсказаний на народ, чуждый римской религиозной системе характер как самих оракулов, так и многих предлагаемых ими способов умиловить богов. Политический интерес плебеев, добивавшихся допуска в эту коллегию, состоял не в ее полномочиях и возможностях, а в пробитии бреши в патрицианской монополии на общественные должности.

Проведенное исследование показало, что деятельность важнейших жреческих коллегий в республиканском Риме можно свести к трем основным функциям: 1) консультации по сакральным вопросам в сфере своей компетенции; 2) помощь политическому руководству и отдельным гражданам в проведении обрядов и ритуалов; 3) осуществление собственных священнодействий. Однако считать ту или иную коллегию руководителем даже в своей области священных дел было бы преувеличением имевшихся у них полномочий. Верховным главой сакральной сферы являлся сенат, значительная доля религиозных задач выполнялась магистратами. Но следует отличать положение жрецов по отношению к политическому руководству (явно подчиненное) и по отношению к отдельным гражданам, где жреческие решения, прежде всего понтификов и авгуров, вполне могли иметь и имели обязательную силу, как и решения любого общинного органа. Соответственно, нет сомнений в большой значимости жреческой деятельности для римской гражданской общины, но религия, как и прочие сферы общественной и частной жизни, была подчинена общим целям сохранения и укрепления этой общины. И в таком смысле можно говорить о подчинении сакральной сферы политическим органам власти.

В четвертой главе рассматривается процедура основания общественного храма, а также сакральный и правовой статус древнеримских храмов и связанного с ними имущества. В этой сфере наиболее наглядно выявляются ведущее значение и руководящее положение политических органов власти, в то время как жрецы не играли сколько-нибудь заметной роли при учреждении и функционировании храмов. Процесс основания общественного храма в древнем Риме проходил три этапа – *votum* (обет), *locatio* (выделение храмового участка), *dedicatio* (посвящение). Для каждого из них в соответствующем параграфе анализировались полномочия и взаимодействие светских и сакральных органов (сената, магистратов и жречества). Соответственно, храмовое строительство рассматривалось в его религиозно-политическом и правовом аспекте, а не в историческом развитии. Такое ограничение определяется общими целями и задачами данной работы.

Первый параграф посвящен начальному пункту учреждения общественного храма – обету (*votum*). Этот этап был обязателен и при учреждении храма по решению сената, когда принятие обета проходило непосредственно в самом Риме, и при обетах на поле боя, которые преобладали. Но не было храмов, основанных по инициативе жреческих коллегий. Даже в случае основания храмов по Сивиллиным оракулам обет и все остальные этапы осуществлялись магистратами, а участие жрецов священнодействий ничем не отличалось от их обычных обязанностей – просмотреть по приказу сената Сивиллины книги и сообщить найденный оракул. Общество чувствовало свою ответственность за выполнение обетов собственных магистратов, но избирательно. Это «чувство ответственности» обострялось при неудачах, когда особенно велико было стремление вернуть согласие с богами (*pac deorum*). С другой стороны, нет следов какого-либо «формального» механизма выполнения обетов. Инициатива, за редкими исключениями, исходила только от лица, давшего обет. Таким образом, налицо гармония личности и общества: с одной стороны, гражданин, выполняя обет во благо общества, был вправе рассчитывать на помощь последнего, с другой стороны, общество не зависело от необдуманных слов своего члена. Общественная помощь оказывалась не автоматически, а требовала каждый раз особого решения общественных органов власти, собственно, сената.

Следующему этапу основания храма (*locatio*) посвящен **второй параграф**. Представляется убедительным мнение, что термин *locatio* первоначально означал «определение места» для храма³⁵. Это было сопряжено с решением важных правовых и религиозных вопросов. Ведь общественный храм должен стоять на земле, которая является общественной; этот участок должен отвечать определенным требованиям, связанным с природой божества, которому посвящен храм; участок должен быть освящен; в торжественной церемонии принимали участие жрецы. Возможные элементы процедуры *locatio* приходится восстанавливать по косвенным данным. Важную информацию дает комментарий Девтеро-Сервия (*Ad Aen. I. 446*), посвященный процедуре создания *templum*. Можно выделить в этом описании четыре последовательных действия, которые известны и по другим источникам. В первую очередь, назначенное для храма место с помощью авгуров «освобождалось» (*liberaretur*) от каких-либо религиозных обязательств как

³⁵ *Ziolkowski A.* Op. cit. P. 203-208. См. также: *Stambaugh J. E.* The Functions of Roman Temples // ANRW. II. Bd. 16. Teilbd. 1. В.-N.Y., 1978. P. 564; *Aberson M.* Op. cit. P. 104 (Not. 6). Против: *Orlin E. M.* Op. cit. P. 139. Not. 94.

явных, так и возможных, чтобы не нарушить «интересы» других богов, а также от ритуально вредоносных влияний. Затем происходила инаугурация, когда авгур произносил определенные сакральные формулы (*locus effaretur*) и определял сакральные границы участка. После этого место становилось *templum*. На третьем этапе появляются понтифики (*locus a pontificibus consecraretur*). Их действия, согласно Варрону и Фесту, придавали освященному участку новое качество – он становился *fanum*, что, по всей видимости, делало *templum* постоянным. Наконец, на четвертом этапе «назначались священнодействия» (*sacra edicerentur*), которые будут совершаться на этом священном участке, а затем в храме, когда его построят. Это осуществляли магистраты, тем самым предоставляя общественную санкцию действиям жрецов, в результате чего участок (*locus*), словесно обозначенный авгуром (*effatus*) и посвященный понтификом (*sacratus*), превращался в признанную государством священную землю (*res sacra*), особую часть общинного земельного фонда.

Наибольшее внимание в источниках уделено завершающей и самой торжественной стадии процесса основания нового храма – посвящению божеству построенного храмового здания (*dedicatio*), которое рассматривается в **третьем параграфе**. В торжественном акте посвящения храма, помимо магистрата, обязательно участвовал понтифик, но он занимал подчиненное положение. Роль понтифика сводилась, в основном, к подсказке магистрату необходимых при проведении обряда торжественных сакральных формул. Именно для этого, завершающего, этапа учреждения нового храма известны случаи вмешательства в действия магистрата не только со стороны политической власти, но и со стороны жрецов. Проведенный анализ позволил сделать вывод об отсутствии формально обязательного контроля понтификов в области храмового строительства. Речь может идти лишь об авторитете знатоков сакрального права, хотя его, конечно, не стоит недооценивать. Таким же образом долгое время обстояло дело и с политическим контролем, но в конечном итоге все-таки возникла потребность в законодательном регулировании этой сферы. Известно о двух законах, регламентировавших дедикацию. Первый (304 г. до н.э.) поставил дедикацию храмов под контроль сената и плебейских трибунов. Позднее, хотя точная дата неизвестна, был принят закон (точнее, плебисцит), внесенный плебейским трибуном Квинтом Папирием, запрещающий консекрацию (дедикацию) здания, земли, алтаря без приказа народа или плебса. Рассматриваемые законы, скорее всего, распространялись на всех должностных лиц, которые намеревались осуществить дедикацию. Принятие первого закона вызвали

нестандартные, можно сказать, революционные мероприятия эдила Гнея Флавия, в том числе и посвящение им храма Согласия. В них сенат мог увидеть опасный прецедент, когда отдельная личность, получив магистратские полномочия, в ситуации, которая регулировалась обычаем, стала действовать, не считаясь с этим обычаем. Определенное влияние на решение сената оказало и усиление власти высших магистратов на протяжении IV в. до н.э., вторая половина которого отмечена резким расширением масштабов римской экспансии, соответственно, ростом авторитета и возможностей удачливых полководцев. Что же касается закона Папирия, то его принятие явно находилось в соответствии с той формально-демократической эволюцией, которая имела место во II в. до н.э., коснувшись и сакральной сферы. Особое внимание именно к дедикации, возможно, объясняется тем, что именно дедикатору доставалась слава учредителя храма, который служил постоянным напоминанием о его заслугах. По этой причине осуществление дедикации могло восприниматься как «почесть» (honor), а «почести» предоставлял гражданский коллектив.

В отдельный подпараграф выделен анализ немногочисленных примеров участия в храмовом строительстве при Республике частных лиц, главным образом, женщин. Это участие, хотя и редкое в республиканскую эпоху, отвечало общему принципу относительно гармоничного сочетания частного и общественного начал, столь ярко воплотившемуся в античной форме собственности – базисе полиса. Поэтому в принципиальном плане не было серьезных препятствий для частного лица оказаться полезным отечеству, в том числе в сакральных делах. В полной мере это проявилось при Империи, когда частное строительство храмов и святилищ становится распространенным и обычным явлением.

Четвертый параграф посвящен анализу различных аспектов положения римских храмов в римской религиозной системе, прежде всего, управлению храмовыми доходами и храмовой собственностью, а также храмовому персоналу. Интересный материал для изучения римских храмов дают сохранившиеся храмовые уставы, а также уставы алтарей. Именно светская власть определяла статус святилища и вводила в действие его устав. Большое внимание в уставах уделялось вопросам распоряжения храмовыми доходами. И это не случайно: храмовое имущество нередко было весьма значительным. Часть даров становилась непосредственно священным имуществом, другие профанировались (объявлялись несвященными) и обращалась в доход храма через продажу либо сдачу в аренду. Управление храмовыми доходами находилось в руках светской

власти. Кроме того, государство за свой счет ремонтировало храмы и осуществляло жертвоприношения. Римские храмы, как правило, не имели постоянного жреческого персонала, обслуживаясь светскими лицами. В этом параграфе проанализировано их положение и статус. Интенсивность регулярной сакральной деятельности в большинстве храмов была незначительной, что в немалой степени было обусловлено отсутствием прямых, формализованных связей между жречеством и храмами.

Специфика публично-правового статуса священного имущества, т.е. посвященного богам, выявляется в **пятом параграфе**, в котором дан анализ преступлений против этого имущества. Основное внимание уделено первому известному закону – Юлиеву закону о казнокрадстве (*peculatus*), святотатстве (*sacrilegium*) и растрате (*residuae*), принятому Августом (или Цезарем). Рассмотрены оба квалифицирующих признака преступления *sacrilegium* и их эволюция, а также понятия «священное имущество» (*sacra pecunia*) и «запретное (религиозное) имущество» (*religiosa pecunia*). Общественные черты в правовом положении священного (сакрального) и религиозного имущества, выразившиеся прежде всего в контроле и управлении со стороны публичных органов власти, позволили законодателю объединить в рамках одного закона оба преступления (святотатство и казнокрадство). Такая трактовка этого преступления в римском праве подтверждает тезис о фактическом вхождении сакрального имущества в состав государственной (общественной) собственности. Юридическому пониманию преступления *sacrilegium* соответствует или, во всяком случае, не противоречит употребление данного термина в более ранних источниках иного характера (прежде всего, у Ливия и Цицерона), которые позволяют проследить эволюцию этого понятия. Не исключено, что четкое и определенное наказание для всех случаев отсутствовало до Юлиева закона в силу двойственного отношения римлян к самому преступлению против богов. С одной стороны, грех одного человека, мог навлечь гнев богов на все общество, с другой стороны, существовало представление, что «оскорбление богов – забота самих богов». Религиозные обязательства, которые на гражданина налагало общество, имели скорее характер гражданского, а не религиозного, долга. Преобладание общественного над сакральным хорошо заметно в проанализированном понятии *sacrilegium*, которое обозначало конкретное преступление из области пересечения интересов государства и религии.

В **Заключении** подведены общие итоги исследования и сформулированы основные его выводы. Подчеркивается, что религия в

республиканском Риме выступала как важный объединяющий фактор, как область сотрудничества и компромиссов, а не разногласий и соперничества. Четкая грань между *sacrum* и *publicum* в общественном восприятии и публичном праве не препятствовала глубокому взаимопроникновению этих сфер, что создавало цельную религиозно-политическую систему, где обе ее части были немыслимы друг без друга. Главную ответственность за поддержание мира с богами (*pacis deorum*) – основы римского религиозного мировоззрения – несло именно политическое руководство (сенат и консулы). Жрецы также участвовали в сакральных мероприятиях магистратов, но в качестве помощников и консультантов, а не равноправных сторон: они подсказывали текст молитв и ритуальных формул, толковали знаки и знамения, помогали при жертвоприношениях и т.д. Почти все эти действия магистрат мог совершать и без жрецов: формальных требований обязательного их соучастия практически не было. Ситуация регулировалась не законом, а обычаем и традицией, а также естественным желанием привлечь специалистов в сакральной области во избежание возможных ошибок при совершении ритуала, что грозило гневом богов и неудачей всего мероприятия. Говоря о светской власти как о первой и последней инстанции в решении многих религиозных дел, имеющих общественное значение, также нет оснований предполагать наличие какого-либо жесткого правила или закона, ставившего жреческие коллегии в подчиненное положение. В собственно религиозные дела политическая власть не вмешивалась, за исключением случаев, когда жреческие решения затрагивали общину как таковую, а не отдельных ее членов. В самом общем плане исходные причины римского своеобразия в религиозно-политической сфере коренятся в процессах, обусловленных победой патрицианской аристократии над царской властью, а не победой плебса над патрициями. Становление гражданской общины лишь закрепило результаты этих процессов, ибо здесь интересы общественной верхушки и рядовой массы объективно совпадали. Подчинение сакральной сферы интересам общества стало, в итоге, одним из основополагающих принципов полисной цивилизации, что ясно показала, в частности, история римского храмового строительства.

Основные положения, выносимые на защиту.

Римская религия, как прочие сферы общественной и частной жизни, была подчинена общим целям сохранения и укрепления гражданской общины.

При Республике отсутствовал формальный механизм контроля за религиозными вопросами, который всегда бы начинал действовать при

сходных обстоятельствах и приводил бы к немедленной реализации соответствующих решений.

В процедуре легитимации магистратской власти отсутствовал акт «божественной» инвеституры.

Право на общественные ауспиции магистраты получали не через куриатный закон об империи, а в результате ауспикальных процедур на электоральных комициях, в т. ч. ритуала *renuntiatio*.

Сомнения в сакральной полноценности империя возникали в случае постороннего вмешательства в его компетенцию, а также определялись ситуацией и обычаем, что характерно для религиозной сферы.

Плебеи имели принципиальную возможность осуществления общественных ауспиций, воплотив ее в жизнь после получения доступа к магистратурам.

Царская власть и царский титул имели сакральное значение, соответственно, получение царской власти сопровождалось ритуалом религиозного посвящения, подобного жреческой инавгурации.

Магистратская власть республиканской эпохи, сохранив ряд полномочий в религиозной области, лишилась сакрального характера, присущего власти царской.

Исполнение общественных обетных обязательств и руководство общественными ритуалами и священными играми возлагалось на магистратов как на представителей общества, а не в силу священного характера их личности или власти.

Диктаторская власть не имела особого сакрального (магического) характера, сакральные полномочия диктаторов не отличались от сакральных обязанностей высших ординарных магистратов, а процедура назначения диктатора (*dictio*) по своей сути совпадала с избранием консулов на электоральных комициях.

Сакральное значение цензорской власти и связанные с этим ограничения сакрального характера определялись религиозно-политической церемонией *lustrum*, осуществлявшейся обоими цензорами совместно после завершения ценза.

Цари проводили активную политику по созданию подчиненной их власти жреческой организации и стремились контролировать сакральную сферу в целом.

В начале Республики для жрецов существовали ограничения на общественно-политическую деятельность, обусловленные борьбой с царской властью.

Жречество в республиканском Риме четко отличалось от магистратуры и не имело формальных политических полномочий, но обладало высоким религиозным и моральным авторитетом.

Деятельность важнейших жреческих коллегий в республиканском Риме сводилась к трем основным функциям: консультации по религиозным вопросам в сфере своей компетенции; помощь магистратам при проведении обрядов и ритуалов; осуществление собственных священнодействий.

При основании храмов руководящее значение имели политические органы власти, а не жрецы.

Жрецы (понтифики) не осуществляли контроль за посвящением общественных храмов.

Храмы и связанное с ними имущество фактически являлись составной частью общественной собственности.

Основные выводы и положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Монографии:

1. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М.: РГГУ, 2012. 602 с. (35, 3 п. л.)

2. Главы в коллективной монографии «Жреческие коллегии в раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права». М.: Наука, 2001.

Глава 3. Коллегия понтификов. С. 100-141 (2, 5 п. л.)

Глава 6. Коллегия арвальских братьев. С. 213-248 (2, 1 п. л.)

Глава 7. Коллегия луперков. С. 249-268 (1, 1 п. л.)

Глава 8. Коллегия жрецов священнодействий. С. 269-286 (1 п. л.)

Глава 9. Коллегия весталок. С. 287-298 (0, 6 п. л.) в соавторстве с Л. Л. Кофановым.

Публикации в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК:

3. Немагистратские общественные храмы республиканского Рима // Вестник древней истории. 2004. № 2. С. 179-188 (0, 5 п. л.)

4. Сакральные ограничения консульского империя // Вестник древней истории. 2006. № 4. С. 154-169 (1, 3 п. л.)

5. Понтифики и собрания граждан (contiones, concilia, comitia) в эпоху Ранней Республики // Вестник древней истории. 2007. № 3. С. 47-66 (1, 7 п. л.)

6. Сакральные полномочия цензорской власти в Римской Республике // Вестник древней истории. 2008. № 3. С. 49-63 (1, 4 п. л.)
7. Сакральные основы раннеримской диктатуры // Вестник древней истории. 2009. № 1. С. 54-74 (1, 9 п. л.)
8. Источники и характер магистратского права на ауспиции: анализ акта *renuntiatio* // Вестник древней истории. 2010. № 1. С. 31-49 (1, 7 п. л.)
9. Религиозные устои Римской республики // Преподавание истории в школе. 2010. № 2. С. 21-25 (0, 5 п. л.)
10. Вопрос об ауспициях в борьбе патрициев и плебеев // Вестник РГГУ. М., 2010. № 10 (53)/10. Серия «Исторические науки». С. 212-222 (0, 6 п. л.)
11. Храмовое строительство в эпоху ранней Республики (V–IV вв. до н.э.): история и социально-политическое содержание // Вестник древней истории. 2011. № 1. С. 28-44 (1, 5 п. л.)
12. Царская и магистратская власть в Древнем Риме: сакрально-политическое содержание // Вестник РГГУ. № 14 (76)/11. Серия «Исторические науки». М., 2011. С. 141-156 (0, 8 п. л.)

Статьи:

13. Взаимодействие общественных и частных празднеств в римской религии // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1991. № 5. С. 49-58 (1 п. л.)
14. Определение огрешности ауспиций авгурской коллегией // Античность Европы. Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 1992. С. 78-85 (0, 4 п. л.)
15. Коллегия понтификов и гражданская община (IV–II вв. до н.э.) // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 45-68 (1, 5 п. л.)
16. Роль и значение римской коллегии жрецов священнодействий в эпоху Республики // Античность и средневековье Европы. Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 1994. С. 84-97 (0, 7 п. л.)
17. О характере культа жреческой коллегии салиев // Античность и средневековье Европы. Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 1996. С. 45-54 (0, 5 п. л.)
18. Положение жречества в эпоху ранней Республики // Древнее право. 1996. № 1. С. 42-46 (0, 5 п. л.)
19. Римское публичное жречество: между царской властью и аристократией // Вестник древней истории. 1997. № 1. С. 35-45 (1 п. л.)
20. Коллегия понтификов: частно-правовые функции // Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 56-66 (1 п. л.)

21. Коллегия понтификов и понтификальное право в российской историографии // Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 109-114 (0, 5 п. л.)
22. Правовой статус и социальная роль храмов республиканского Рима // Древнее право. 2000. № 2 (7). С. 48-62 (1, 45 п. л.)
23. Два закона о дедикации // Древнее право. 2002. № 1 (9). С. 77-86 (0, 95 п. л.)
24. *Regnum et sacrum*: о характере царской власти в древнем Риме // Древнее право. 2002. № 2 (10). С. 40-55 (1, 5 п. л.)
25. Куриатный закон об империи и ауспиции магистратов // Древнее право. 2003. № 11. С. 24-39 (1, 5 п. л.)
26. Ауспиции в публичном праве архаического Рима // *Forum Romanum*. Доклады III международной конференции: «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права». М., 2003. С. 27-31 (0, 3 п. л.)
27. Этап *locatio* (сакральные аспекты) при учреждении общественного храма в республиканском Риме // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира МГУ им. М. В. Ломоносова. № 6. М., 2004. С. 46-55 (0, 5 п. л.)
28. Правовая защита священного имущества в Древнем Риме (*sacrilegium* в 48-й книге Дигест // Дигесты Юстиниана. Т. VIII. М., 2006. С. 181-195 (1, 1 п. л.)
29. Авгурский контроль над ауспициями магистратов: теория и реальность // Античный мир и археология. № 12. Саратов, 2006. С. 157-171 (1, 2 п. л.)
30. Sulla interpretazione del termine *sacrilegium* nel libro 48 dei *Digesta* // *Problemi della traduzione dei Digesta Giustinianeî nelle lingue europee*. Napoli, 2007. P. 125-135 (0, 7 п. л.)
31. О судебных полномочиях авгуров // Древнее право. 2007. № 2 (20). С. 55-59 (0, 4 п. л.)
32. Диктатура с религиозной компетенцией в Римской Республике // Кондаковские чтения-II. Проблемы культурно-исторических эпох. Материалы II международной научной конференции. Белгород, 2008. С. 66-73 (0, 6 п. л.)
33. Политическая и сакральная власть в римской *цивitas*: механизмы взаимодействия // Античный мир и археология. № 13. Саратов, 2009. С. 159-175 (1, 4 п. л.)
34. Храмовый обет (*votum*) в религиозно-политической практике республиканского Рима // Античный мир и археология. № 14. Саратов, 2010. С. 107-121 (1, 1 п. л.)

35. Древнеримское жречество и сенат (по поводу концепции Р. Митчелла) // Индоевропейская история в свете новых исследований. Сборник трудов конференции памяти профессора В. А. Сафронова. М., 2010. С. 321-327 (0, 5 п. л.)

36. Сакрально-правовые термины *legum dictio/divinatio* и авгурская практика // *Studia historica*. Вып. X. М., 2010. С. 66-77 (0, 75 п. л.)

37. Сакральное обеспечение военного успеха в древнеримской Республике // Война и сакральность. Материалы Четвертых международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии». М.; СПб., 2010. С. 30-33 (0, 3 п. л.)

38. Демократия и религия: электоральные комиции в религиозно-политической системе республиканского Рима // Народ и демократия в древности. Доклады российско-германской научной конференции. Ярославль, 2011. С. 153-168 (1, 1 п. л.)

39. Уникальные религиозно-политические события в изложении Тита Ливия и методика их анализа // *Antiquitas aeterna*. Вып. 3. Проблемы источниковедения античной истории: взгляды на историю и историческая информация в трудах античных авторов. Н. Новгород, 2011. С. 119-131 (1, 1 п. л.)

40. Римская религия и греческое влияние в годы Ганнибаловой войны // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. Материалы международной научной конференции. Н. Новгород, 2012. С. 29-31 (0, 15 п. л.)

Переводы источников:

1. Перевод с латинского книги XXI «Дигест» // Дигесты Юстиниана. Т. IV. М., 2004. С. 95-199 / в соавторстве с И. С. Перетерским (2, 2 п. л. – авторская часть).

2. Перевод с латинского книг XXXIII, XXXIV (титул 9), XLII, XLIX «Дигест» // Дигесты Юстиниана. ТТ. V-VII. М., 2004-2005 (11, 7 п. л.)

3. Перевод с древнегреческого книг VII, VIII, XII-XIX «Римских древностей» Дионисия Галикарнасского // Дионисий Галикарнасский. Римские древности. В 3-х тт. М., 2005 (12, 2 п. л.)

4. Перевод с латинского и древнегреческого языков «Кодекса Юстиниана о епископском суде, о еретиках и о язычниках (1. 4-13)» // Древнее право. № 1 (21). 2008. С. 142-207 (3, 5 п. л.)